

К 9
Д178460
А-391

Т. М. АКимова
ПОВОЛЖСКИЕ
ЧУМАКИ

САРАТОВСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1936

0 А-39

Т. М. АКИМОВА

ПОВОЛЖСКИЕ ЧУМАКИ

Исторический очерк
о поволжских украинцах

Под научной редакцией
проф. П. С. Рыкова

~~ПОДАРИТЕЛЬНО~~

~~ПОДАРИТЕЛЬНО~~

ИНВ. № 774

~~ПОДАРИТЕЛЬНО~~
БР 2879

~~ПОДАРИТЕЛЬНО~~
Получено 1938 г.

САРАТОВСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1936

САРАТОВ
БОЛЬШАЯ

86

Рисунок на обложке исполнен по узорам росписи наружных стен
украинских хат

Татьяна Михайловна Акимова
ПОВОЛЖСКИЕ ЧУМАКИ
СаркрайГИЗ, Саратов, 1936

Исторический очерк о поволжских украинцах, история их заселения на Нижней Волге. Книга показывает жесточайшую эксплуатацию украинских чумаков и рабочих на соляном промысле Эльтон, дает яркие факты и помещичьей эксплуатации украинских крестьян на Волге.

Д178460

nr. 95

На Эльтоне

Прошло полтора года лет с тех пор, как пали Казань и Астрахань, и царь Иван Грозный с боярами отпраздновал победу над Казанским и Астраханским царствами татар.

Все дальше и дальше на юг, к самому Каспийскому морю, оттесняются татары и калмыки—прежние хозяева низового Поволжья.

Но кочевники не сдаются. Жестоко мстят они завоевателям, разрушая своими набегами окраинные русские села и города, захватывая в плен и уводя в рабство мирное население. В 1717 году до самой Пензы дошли татары.

Московское правительство пытается оградить окраины государства укрепленными сторожевыми линиями— „чертами“.

От Царицына к Паншину длиною на 60 километров протянулась такая черта. Это был большой земляной вал, а рядом глубокий ров. По высокому валу сплошь тянулся бревенчатый тын. На всей этой линии устроили 4 небольших деревянных крепости, снабженные артиллерией. Между ними стояли сторожевые посты в несколько человек.

Но что могли сделать с отрядами кочевников кучки „служилых людей“, затерянные на огром-

ных безлюдных просторах почти не заселенного края. И указ московского правительства повелевает переселять на Царицынскую черту „пахотных солдат“—русских и украинских крестьян.

„И поселить их,—говорит указ—в удобных местах, которые недалеко от линии были. И, где возможно, им учредить пашню вместо денежного и хлебного жалованья“.

Таковыми вот пахотными солдатами и были первые поселенцы—украинцы в низовом Поволжье. В 20-х годах XVIII в. они основали село Красный Яр и южнее, по реке Иловле—хутора Петрунины, Костаревы, Саламатины, Барановские.

С великим трудом и лишениями обживали поселенцы новые пустынные места, принимая на свои спины удары кочевников, продолжавших набег.

А после заселения Царицынской сторожевой линии с Украины хлынула другая волна крестьян.

Это бежали с насиженных мест те, кто пытался укрыться от помещичьей кабалы.

Польские паны обманом, подачками и посулами, а где не помогало это, силой сгоняли украинских крестьян в свои поместья и закрепощали их. Богатая верхушка казацких старшин не отставала от польских панов, закрепощая крестьянскую голытьбу. Наконец, щедро раздает украинские земли русским помещикам само московское правительство.

Лишенные земли, доведенные до нищеты притеснениями и грабежом крепостников, изнуренные бесчисленными войнами на Украине, украинские крестьяне бегут на окраины России, спасаясь от нужды и помещичьего гнета. Такими беглецами было основано в Саратовском крае несколько сел.

„Деды наши,—говорят старики села Самойловки,—вышли сюда из-под Киева и по этой самой причине, как притесняли паны и разоряли их пажити. * Бежали от барина Самойлова, который мучил крестьян жестоким обращением. Бежали тайно, ночью. А дома затопили печи, чтобы не сразу догадались барские слуги и не бросились бы в погоню за нами. Бежали долго. Остановились на Хопре. Но тут уже были русские, такие же беглецы. Двинулись дальше“... Так дошли беглецы до реки Терсы и образовали здесь села Елань, Самойловку („Три острова“), Песчанку.

* * *

Еще больше украинцев потянулось в низовое Поволжье тогда, когда пронеслась весть о том, что сама царица призывает „охочих людей“ на разработку соляного озера Эльтон.

Особые публикации об этом зачитывались на базарах и в других людных местах. В них говорилось: „По указу ее императорского величества, велено с Эльтонского озера ставить в казну соли бузуну в Саратов и в Димитриевск, что на Камышенке, сумму не малую. Того ради, ежели кто пожелает, с того озера ту соль брав, возить и ставить в казну в вышеописанные города, те б для того явились немедленно в Саратов у подполковника Чемодурова с теми охочими людьми чинить договоры. И с кем о поставке той соли договоры учинены будут, у оных соль в магазинны принимать и за поставку деньги выдавать станут без всякого удержания“.

---

* Пажити—имущество, посева.

Много шуму наделали эти публикации. Крепостные крестьяне, прослышав весть о том, что можно итти на „государеву работу“, что зовет туда „сама государыня“, из разных мест стали бежать от помещиков на Эльтон.

Приказчик одного поволжского помещика писал своему барину: „Слышано де нам указы здесь на торжках читали в Одошкове о вольнице господских вотчин и крестьян и из дворовых людей, кроме государевых и монастырских вотчин. Ежели кто пожелает для работы государевой соли на Эльтонское озеро, чтоб шли без всякого замедления без пачпортов. Токмо де вокруг нашего села Александрова, которые в близости деревни и села и на десять верст при самих помещиках человек по 5, по 10 и по 12 без задержания выходят в день, а не ночным временем. Да и у нас в июне месяце, в 30-ом числе пошли два человека и с лошадьми. И я из оных на сход собирал и допрашивал; нет ли еще у кого в думе итти, токмо они сказали, ежели де до время милость государева будет, то может быть выходы из Александрова будут“.

Помещичьи крестьяне искали освобождения от тяжелой ненавистой крепостной неволи. И во многих селах публикации были поняты так, будто казенная „государева“ работа освободит их от помещика. Массами бежали люди на Эльтон, кто пешком, кто с лошадьми. Помещики забили тревогу по поводу публикаций, „от которых,—говорили они,—крестьяне могут разбежаться, а помещики притти в крайнее убожество“.

И правительство, охраняя интересы дворян, запретило принимать возчиков соли из поме-

щичьих крестьян. Зато жадно искало оно рабочие руки для нового промысла среди еще незакрепощенных крестьян Украины.

* * *

Издавна Эльтонское озеро было известно русскому и калмыцкому населению, а в XVIII веке оно привлекло к себе внимание русского правительства.

До сих пор соль для продажи населению возили из далеких Астраханских озер. Сама царская казна ведала соляной промышленностью. Огромные прибыли приносила ей монопольная торговля солью.

Еще ближе, удобнее и выгоднее было возить соль из Эльтона.

Не составило царице больших трудов захватить это озеро, лежавшее в центре калмыцких кочевий и принадлежавшее до этого калмыкам. Кочевья их были отодвинуты дальше на юг, и русские купцы потянулись на озеро.

А в 1747 году разработку Эльтона берет в свои руки сама казна. Указом императрицы Елизаветы Петровны казенное дело разработки соли на Эльтоне, вывоз ее и продажа „в разные места и города Российской империи“ были предоставлены полковнику Чемодурову, а для защиты от калмыков и для наблюдения за тем, чтобы никто не вывозил соли тайно, было приказано построить у озера крепость и поставить в ней 200 человек военной охраны.

Много рабочих рук потребовалось на новые соляные промыслы. Среди первых вызвавшихся разрабатывать и возить соль были незакрепощенные еще на родине украинские крестьяне.

И низовая соляная контора — главное управление Эльтонскую солепромышленностью — стала заключать с ними договоры.

В сентябре 1747 года „чумаки“ (украинские солевозчики) „Иван Осипов с товарищи“ доставили в Саратов первый транспорт соли. Против Саратова и Камышина построили казенные соляные „магазинны“, а для возчиков, приезжавших с солью — плетеные сараи. Постройки обнесли земляным валом и рвом.

* * *

В надежде на хорошие заработки солевозчики не хотели бросать родные места. Они приезжали на озеро весной и глубокой осенью возвращались домой. Но заработков оказалось слишком мало для того, чтобы прожить вдаль от семей, да еще сберечь что-нибудь для хозяйства.

Пришлось переселяться на новые места окончательно. Маленькие саманные хаты новопоселенных слобод, чистенькие, часто расписанные красивыми узорами невиданных трав и цветов, с ярко горящими узорами ставней, с большими плетеными трубами-дымьями приветливо забелелись тут и там в степных просторах правого и левого побережья Волги. Заскрипели воловьи возы по солевозным трактам, медленно таща тяжелый груз соли. Вдоль соляных трактов в Заволжье образовалась цепь украинских слобод: Покровская — против Саратова (теперь г. Энгельс), слобода Николаевская — против Камышина (теперь г. Николаевск), слободы Узморье, Квасниковка и Котовая. Около 200 лет теперь уже существуют эти поселения.

Потекли в „государеву казну“ несказанные барыши. Через несколько лет соли добывалось на Эльтоне до 10 миллионов пудов в год. Эльтонская соль продавалась не только в Поволжье, но и по всему югу России, в 14 губерниях.

Платила казна солевозчикам за доставку соли в Саратов семь, в Камышин четыре копейки; сама же продавала ее населению по двадцать-двадцать пять копеек за пуд. Соль стоила иногда дороже хлеба. Но как обойтись без соли? И люди платили казне за нее столько, сколько она назначала. Вот как составлялись эти огромные прибыли государственной казны. В одной только Саратовской губернии в начале XIX в. от соляной промышленности оставалось дохода больше 2 с половиной миллионов рублей...

Шли эти барыши на потребу царя, на содержание его пышного двора и в карманы чиновников, особенно тех, кто сидел в соляной конторе.

Уже в 1754 г. солевозчики слободы Покровской подали в сенат жалобу на воеводу Саратовского и начальника соляного комиссарства — полковника Казаринова.

„Для безотлучного жительства при соляных городках, — которые стоят за Волгой на луговой стороне, на дикой степи, против городов Димитриевска и Саратова, — писали чумаки — поселились мы своими дворами и обзаводились, без чего обойтись невозможно, всякими принадлежностями, покупая дорогою ценою скот и прочее, что до одного принадлежало, не малым коштом*, и понесли многие яко на новом и нежителейственном

* Кошт — цена, стоимость.

месте великие разные тягости и убытки". Жаловались они на полковника Казаринова — на „его лихоимственные грабительства и нападки". Взятки, обвешивания при приемке соли, обсчеты при расплате мучили чумаков.

Скоро пришло решение сената в ответ на жалобу. Уполномоченного солевозчиков и его товарищей, как зачинщиков, якобы за неосновательное обвинение полковника Казаринова, велено было, предварительно зачитав указ, публично на площади высечь плетью под барабанный бой.

Продолжали работать попрежнему...

Работали артелями. При этом должны были не только возить, но и добывать соль. На ломку соли выделилось двести человек беднейших украинцев, которые ничего не имели, кроме своих рабочих рук. Остальные определились возчиками соли. А самые неимущие работали у возчиков-чумаков батраками и пастухами.

Ломщики, в отличие от возчиков, не считались прикрепленными к промыслу. Каждую весну они набирались вновь. Но они не были и свободными рабочими. Весной при найме на работу низовая соляная контора отбирала у них паспорта. До самой осени никто из ломщиков не мог отлучиться от озера. Можно было только бежать тайком... И редко кто не бежал, в конце концов, от этой каторжной работы.

Посторонние наблюдатели, путешественники и даже посылавшиеся на Эльтон правительственные чиновники, не могли скрыть тяжелых условий жизни рабочих на промысле. Вот что писал об этом известный статистик начала XIX века Герман: „Ломщики подвержены особенным болезням, происходящим от остроты соленого щелоку, от

недостатка в свежей воде и хорошей пище, а особенно от нездорового воздуха на озере. В июле и августе щелок бывает так остр, что проедает ломщикам на ногах раны, кои часто бывают смертельными. Несмотря на сие многие ходят на озеро даже без сапогов. Ни один почти работник не может избежать сих болезней. Скоробутные раны замазывают они воском, или прикладывают к ним подорожник. Также замазывают их заячьим жиром и залепливают варом. Сие не производит никакой целительной силы, но вар препятствует прониканию воды. Если раны бывают велики, то ломщики едут в Саратов и Камышин и лечат их свежешо водой. И по выздоровлении возвращаются опять на соленое озеро“.

За сезон каждый ломщик заболел один или несколько раз. Тяжелая работа отнимала у людей, кроме сил и здоровья, еще и значительную часть заработка: за время болезни люди проживали на питание и лечение все, что зарабатывали. Одежды такой, которая предохранила бы от заболеваний, не имели.

В летний зной мучила жажда. А вода в каналах и копанях у озера, соленая или солодковатая, была вовсе негодной для питья.

Маленькие, тесные землянки для жилья стояли в низинах, сырых и трясиных. Ступишь ногой на землю, из-под ног наверх выступает грязь на подобие жидкого теста. И в других местах, даже там, где земля сверху казалась сухой, в ней вязли и тонули ноги.

Тяжелый омерзительный воздух спирал дыхание. Ветер нагонял по канальцам тучи мертвой саранчи, она вымывалась на берег, издавая злобонный запах...

В 1761 году, в самом начале сезона — в мае месяце из 1598 рабочих на промысле 87 человек было больных, в июне больных было уже 319 и в июле 254.

Нищенский заработок ломщика целиком зависел от возчиков. Возчики всячески давили на ломщиков, снижали расценку за добытую соль, старались этим выгадать побольше заработка себе. Получали они с казны по 4—7 коп. за пуд, а платили ломщикам по 20—50 копеек с воза. Весил же воз 60 пудов.

Ломщики пытались иногда протестовать против низкой оплаты за труд. Но в таких столкновениях низовая соляная контора становилась всегда на сторону возчиков. Имн она больше дорожила, их труднее было найти: не всякая голытьба могла идти возчиками; сюда годились лишь более зажиточные крестьяне, которые имели рабочий скот и повозки. И чиновники из конторы неизменно уговаривали ломщиков сдавать возчикам соль „умеренною ценою“.

Но случалось, что удавалось ломщикам добиться своего. Ломщики устраивали забастовку, задерживали соль, не уступали ее возчикам по низкой цене. Однажды они задержали возчиков на озере на 6 недель. У чумаков истощился весь корм для волов. Положение становилось серьезным. В бесплодной степи собралось громадное количество скота. Быстро выел он весь жалкий корм на солончаках около озера. В конце концов чумаки были вынуждены согласиться платить ломщикам по одному рублю за воз соли.

Болезни, изнурительный труд за нищенскую оплату гнали ломщиков с промыслов. Они часто бежали с работы, не получив из конторы ни

полного расчета, ни своих паспортов. Часто бывало так, что работников на озере совершенно нехватало.

Тогда низовая соляная контора посылала на озеро силой.

В один из таких годов, когда ломщиков на озеро явилось слишком мало, низовая контора разослала по Волге воинские команды. Они наловили „в разных местах надлежащее число из шатающихся, беглых и беспаспортных людей и собритыми лбами“. До Нижнего дали * „навербованным“ по 10 рублей, чтобы не сбежали по дороге. Несколько человек все-таки убежало до отправки судов. Остальных переправили на озеро под конвоем.

Но нелегко было положение и возчиков соли—чумаков.

Особенно тяжело приходилось, когда земля давала плохие корма: волов держали на подножном корму.

В 1785 году налетевшая в степь саранча съела всю траву. Без подножного корма чумаки не могли продолжать работу. Нечем было кормить волов в пути. И все чумаки, как говорит документ, „разбежались розно“.

Тот же статистик Герман так говорит об условиях работы чумаков в начале XIX века. „Хотя иногда и приходят вольные возчики, особливо из Малороссии, но только крайняя нужда может принудить итти на озеро. Они приходят поздно и часто, получив деньги*, стараются уйти.“

Если случится, что их поймают и насильно заставят работать, то сие ни к чему больше не

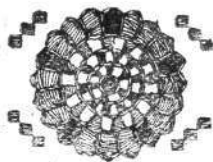

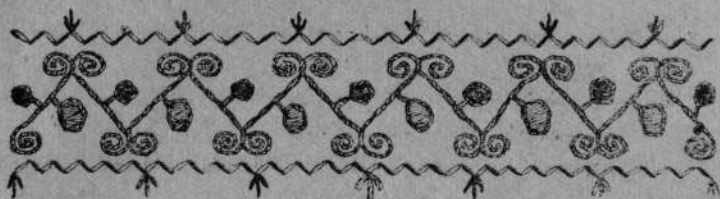
* Аванс, задаток.

послужит, как только к тому, что они навсегда оставят озеро”.

Тщетно старается правительство удержать возчиков на работе разными льготами. В 1763 году издается указ, по которому возчикам предоставлялись значительные участки земель для выпаса скота. Кроме этого, указ освобождал возчиков, которые поселились для этого в Поволжье год назад, от уплаты податей на год; а те, „кои впредь селиться будут“, освобождались от податей на два года.

Временами соляная контора была вынуждена даже повысить провозную плату за соль. Это бывало тогда, когда возчики совсем бросали работу. Тогда давали надбавку за доставку соли — полкопейки или одну копейку за пуд, пытались этим заманить людей на возку. Но проходило лето, и казна опять начинала постепенно снижать провозную плату:

„Приписные“

Трудно было на эту подневольную работу нанять нужное количество людей. Тогда правительство ищет выхода в крепостнических мерах. Оно „накрепко приписывает“ к соляному делу вновь заселяющиеся украинские села и некоторых поселившихся в Поволжье прежде. Приписанные становились государственными крепостными. Все взрослые работоспособные мужчины обязаны были работать на добыче и возке соли. Небольшое лишь число людей оставалось в селе обрабатывать поля.

С апреля до октября работали солевозчики. На каждое село, на каждого возчика соляная контора накладывала обязательство вывезти положенное количество соли. Плату за это получали по цене, назначенной самой казной.

Так были приписаны в солевозчики не только украинцы, которые прежде сами вызвались возить соль, но и те беглые, которые раньше поселились в Нижнем Поволжье, а кое-где и некоторые крепостные. Приписаны были к солевозке крестьяне-украинцы графа Разумовского и других помещиков, которые задолго до этого переселили этих крестьян в свои саратовские вотчины.

В 1794 году к солевозке были приписаны навсегда пять сел, основанных солевозчиками прежде, да семь украинских сел, никогда раньше солевозкой не занимавшихся. Эти села — Самойловка, Песчанка, Пестровская, Порубежная, Царевка, Рахинка, Владимировка и Подгорная. В этих слободах числилось 15675 душ мужского пола. У возчиков было 18 тысяч пар волов. Всех их казна гнала на добычу соли.

А кроме возки, еще немало было других работ на соляную контору, которые вовсе никем не оплачивались. Все заботы не только по устройству переселенцев на новом месте, но и по организации самой промышленности и транспорта соли, забота о скоте и его прокорме, забота о повозках и их починке — все предоставлялось самим возчикам.

Самим возчикам надо было прокладывать себе дороги, на собственные средства строить мосты, устраивать плотины, копать колодцы. А как трудно было найти пресную воду в солончаковых степях! На Саратовской дороге пришлось выкопать 30 колодцев, да еще 19 около озера. На Камышинской дороге соляная контора приказала выкопать 62 колодца в 9 местах среди заросли кустарников. И все-таки пресной воды не хватало. Надо было брать ее с собой в запас, в дороге она все равно портилась от жары, и даже скотине ее давать было опасно.

Надо было чинить и повозки, для этого нужен был лес. Сначала покровские возчики пользовались для починки своих фур караманским лесом. Но в 1753 году помещик Шахматов заявил свои права на землю „по реке Караману от Волги на 30 верст и далее в Калмыцкую степь“, якобы ему

раньше отведенную с поместьем. Возчики остались без лесных угодий.

В слободе Николаевской и Котовых хуторах получили украинцы при заселении по указу сената лесные угодья, сенные покосы и рыбные ловли. Но в 90-х годах частью этих угодий завладели камышинские купцы, мещане и помещики. Помещица Потемкина заявила свои права не только на землю; по ее иску и люди, жившие на этой земле, отошли в полное ее владение. В крепостном государстве спорить крестьянину с помещиком было бесполезно.

Не раз жаловались возчики в низовую соляную контору на безысходную нужду, тяжелую работу. Жаловались и в Сенат. „За дальним провозом и за неурожаем в тамошних местах хлеба, а паче за безводием, от которого много помирает скота и ежегодно копанием колодезей и к озеру мощением гатей и калмыцким грабежом, не токмо себе пропитание иметь, но в крайнюю нужду и разорение пришли. Ибо она, возка, происходит с великим трудом: три пары волов бывают в ходке с солью, а четвертая для оных с водою“.

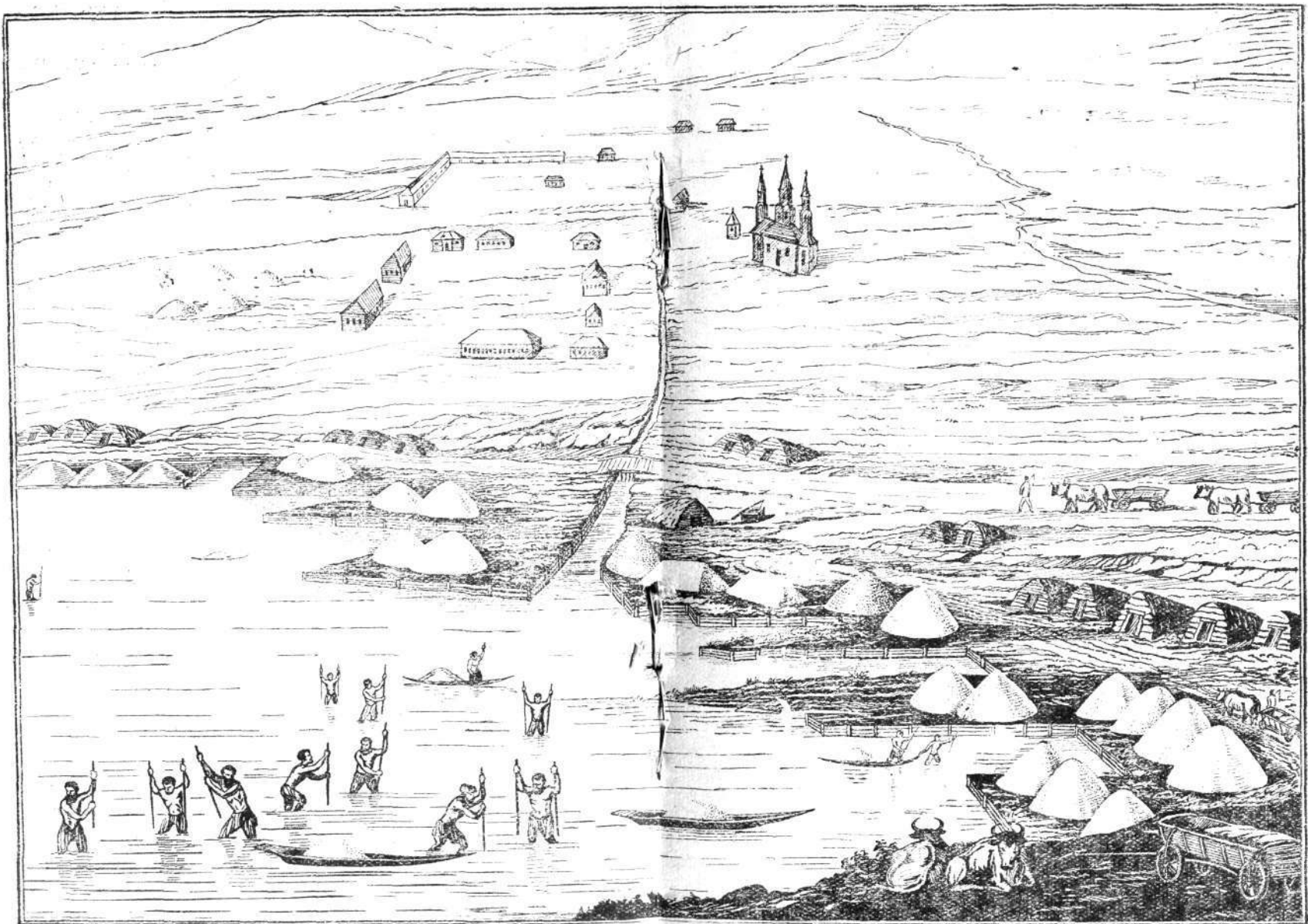
Но к жалобам никто не хотел прислушиваться..

* * *

Возка соли была тяжелым, подневольным трудом. Но, кроме этого, она была еще и опасным делом. На соляные караваны часто нападали калмыки. Для защиты от них возчики должны были иметь на каждую артель „огненное ружье“, рогатины и на правец* насаженные косы. Соля-

На озере Эльтон

(с рисунка начала XIX века)

ная контора давала вооруженной охраны по одному солдату на сто подвод.

Это не мешало калмыкам нападать на караваны: они отнимали и соль, и оружие, и даже амуницию у солдат.

Захватив в 1747 году в свои руки Эльтонское озеро, царица Елизавета Петровна „милостиво“ разрешила „калмыцким людям“ вывозить соль в Саратовские и Дмитриевские соляные магазины на общих основаниях. Калмыки „не должны русским людям ни в ломке соли, ни в вывозе ее никаких обид и краж отнюдь не чинить, и на сторону кроме магазейнов вывозной соли никуда не отдавать“,—говорил царский указ. Так отняли у калмыков и соленое озеро и право даже для своих нужд пользоваться им.

В 1749 г. был издан сенатом новый указ, по которому воспрещалось калмыкам и кочевать по рекам Еруслану, Карамышу и другим ближайшим к Эльтону. В ответ на это калмыки часто нападали на караваны с солью и на украинские поселения. „К нашим населенным местам по близости Эльтонского озера,—писали чумаки в сенат,—наезжает многая калмыцкая орда и чинит нам не малые обиды отгоном скота—волов и лошадей и грабит всякий наш экипаж и баб и девок уводят в свои улусы“.

Во всех своих сношениях с калмыками русское правительство опиралось на их князей-нойонов. Их оно задабривало частыми подарками, выплачивало им денежное и хлебное жалованье и добивалось тем полного себе подчинения калмыков. Добилось оно от калмыцких нойонов выделения отряда вооруженной охраны на озеро. Калмыки дали небольшой отряд зай-

Чумаки

сангов—низших феодалов. Но зайсанги и сами не прочь были поделить добычу после нападения калмыков на караваны чумаков.

А низовая соляная контора строго требовала от возчиков следить за тем, чтобы соль не попадала населению помимо казенных соляных магазинов. Продажа соли на стороне подрывала бы соляную монопольную торговлю казны. За тайную продажу соли жестоко наказывали. При нападениях на соляные обозы возчики должны были больше всего следить за тем, чтобы сбечь и не дать разграбить соль. Казна требовала с солевозчиков, если падет скот в пути, или повреждены будут телеги и фуры, „соль становить на дороге, оную, выгребая из возов, в бугры не ссыпать, а разбрасывать врознь и смешивать с пылью и песком, чтобы охочие люди, набрав ее, не отвезли и не продали бы“. При всяких несчастиях в пути убыток ложился целиком на плечи солевозчиков.

Безуспешно пытались солевозчики и ломщики бороться с тяжелой повинностью. Никакого отклика не получали они на свои жалобы в сенат. Не спасло их от тяжелой эксплуатации и разлившееся по всей Волге восстание под руководством Емельяна Ивановича Пугачева. Ломщики все ушли тогда в войска Пугачева. Из 3000 человек на озере осталось только 100 человек, да и те потом убежали. Много и возчиков примкнуло к Пугачеву. Еще до прихода его войск ходили слухи, что в Покровской слободе готовится заговор: всем селом с вооружением хотят пройти к Пугачеву слобожане и присоединиться к его войскам. Слух был передан в Саратов Державину, присланному сюда для усмирения восстания. Однако, Державин не нашел ни заговора, ни его участников. И был ли этот заговор точно, осталось неизвестно. Но часть крестьян слободы Покровской, Николаевской и Узморской ушли с войсками Пугачева в Уральскую губернию и там после подавления восстания остались работать у уральских казаков.

Жестоко расправившись с крестьянским восстанием, правительство начинает снова восстанавливать расстроенный Эльтонский промысел. Снова ищет соляная контора способы и средства для того, чтоб привлечь крестьян на возку соли. Добровольно возчики не шли.

И вновь приписываются украинцы к озеру принудительным порядком. Подтверждая указ о приписке прежних 12 украинских слобод, теперь приписывают еще и новые украинские села. В 1797 году таким образом было при-

писано всего к возке соли семнадцать украинских слобод.

А чтобы удержать приписных на тяжелой работе, правительство предоставляет им снова некоторые льготы. Указом 1797 г. солевозчиков освобождали от всех податей и рекрутчины. Им были отведены большие угодья для сенокосов и выпаса скота. Эти земли тянулись широким трактом от слободы Покровской до самого Эльтона на 270 верст в длину и 40 верст в ширину. Такой же тракт отвели возчикам от слободы Николаевской до озера.

За эти льготы опять надо было вывозить ежегодно положенное количество соли. Низовая соляная контора разыскала и тех солевозчиков, которые ушли с Пугачевым и остались на Урале. Их вернули в свои слободы, им „милостиво“ простила царица участие в восстании, но зато накрепко приписала их к возке соли.

Только девять приписных слобод должны были вывозить 6 миллионов пудов соли в год по 6 копеек с пуда в камышинские и по 10 копеек в саратовские магазины.

Попрежнему возчики пытались уклоняться от принудительной повинности. Иные старались нанимать за себя вольных крестьян, а сами сеяли хлеб на полученных землях. Но было это под силу лишь зажиточным украинцам, которые имели много скота. Бедные же чумаки продолжали ездить к ненавистному озеру в жар и в холод, в вьюгу и дождь, то увязая в грязи в холодные осенние вечера, то задыхаясь от жары и пыли в душные июльские дни. Чумацкие песни, до сих пор сохранившиеся у саратовских украинцев, говорят о тяжелом труде чумаков.

Одна из песен рассказывает о том, как заболел и умер молодой чумак в дороге.

Своею правою рукою
Он за сердечко схватился,
А как глянул на свою скотину,
Слезами залился.

— Волы мои серые
Кто вас будет запрягать?
— А запрягут нас чужие люди,
И плохо нам будет.

— Волы мои серые,
Кто вам хозяином будет,
Когда меня, славного чумака,
На свете не будет?

Помер, помер славный чумак
В понедельник рано.
Положили славного чумака
На зеленой травке.
Закопали славного чумака
При большой дороге.

С грустью и тревогой провожали в дорогу чумаков их жены и дети. Плакали они, провожая их в опасный путь, который длился больше месяца.

„А поехали наши чумаки в дорогу,
А доехали они до перевозу...

так начиналась старая чумацкая песня.

Радостно было возвращение домой, если поездка была благополучной. Предание рассказывает, что богатые чумаки слободы Покровской, подъезжая к селению, надевали волам золотые рога (повидимому, блестящие, медные). И народ собирался толпой и дивился.

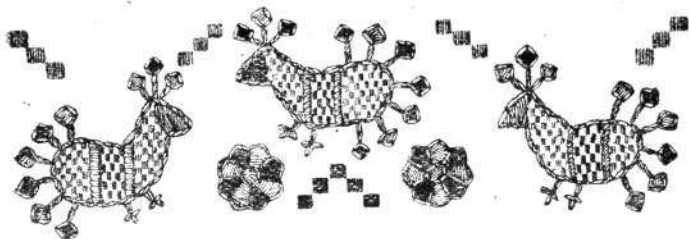
Но эти богатые чумаки стали бросать возку соли и нанимать за себя бедных крестьян из русских и других соседних сел, а сами садились

на плодородные земли, засеивали их дорогой пшеницей. В начале XIX века богатые солевозчики слободы Покровской совсем бросили чумачить. Они построили на берегу Волги большие амбары, куда ссыпали хлеб, собранный с обширных полей. Отсюда суда увозили хлеб вниз и вверх по Волге. Беднота своим подневольным трудом оплачивала земли богатых чумаков, что дала им казна за возку соли. Работала, надрываясь в непосильном труде, до самого конца, пока, наконец само правительство поняло, что рабский принудительный труд на Эльтоне не может больше удовлетворить казну.

В 1828 году издается указ, по которому все бывшие солевозчики обращались в государственных крестьян. Отняты были у них и переданы в казну большие земельные угодья. Возку соли казна стала производить по вольному найму. С 80-х же годов XIX века и совсем была прекращена разработка соли на Эльтоне. Соль стали добывать на озере Баскунчак. Это озеро меньше Эльтона, но оно ближе к Волге и к железной дороге, доставка соли отсюда обходилась дешевле.

Память же о тяжелой работе украинцев на Эльтоне сохранили только архивные документы XVIII века, да предания украинских крестьян, да может быть кое-где встречающиеся и до сих пор чумацкие песни.

В крепостной неволе

Пока государство закабляло одну часть поволжских украинцев на солевозке, русские помещики закрепощали остальных, тех, которые переселялись сюда по своей воле или бежали тайно, давно обосновались здесь и занимались земледелием.

Много шло сюда украинцев тогда, когда только построили царицынскую черту. Не переставали они идти сюда и позже, во второй половине XVIII века, когда императрица Екатерина II узаконила крепостное право на Украине. Бежали от безземелья, от закрепощения русскими и украинскими помещиками.

Украинцы свободно селились в южной части Саратовского Поволжья, здесь земли были мало заселены.

Но только заживут новоселы на новых местах, как является русский помещик и доказывает, что земля эта давно пожалована правительством его отцу или деду. Отбирал он землю, а раз крестьяне сидят на его якобы земле, то выходило, что и сами они должны принадлежать ему. Помещик назначал платить оброк. Таким образом он приобретал даром крепостных, с которых либо получал оброк, либо заставлял их работать в своих экономиях—на барщине.

Так было с Самойловскими крестьянами, теми самыми, что еще в 20-х годах XVIII столетия бежали из-под Киева, „от барина Самойлова, который мучил крестьян зверским обращением. Бежали тайно, ночью“. На реке Терсе поселились они и основали село Самойловку. Но не спаслись беглецы от ярма крепостничества и на новых землях.

Через два года, когда Самойлов прислал в Поволжье своего доверенного, чтобы переписать всех бежавших и вернуть их обратно, новоселы-украинцы были уже закрепощены здесь другим русским помещиком, графом Нарышкиным. Доверенный Самойлова не смог вернуть крестьян к прежнему барину. Попали они из огня да в полымя.

Много земель в Саратовской губернии принадлежало помещикам Нарышкиным. Еще в конце XVII века царь Петр подарил Конобеевскую волость своему дяде—Льву Кирилловичу Нарышкину. Земли этой волости располагались по Хопру, Медведице, Иловле и многим другим рекам. В вотчину Нарышкиных входило 777 оброчных угодий—рыбных ловель, бортных „ухожаев“* и участков для охоты, которые прежде правительство отдавало крестьянам или промышленникам в оброк. Нарышкин не смог ни заселить, ни засеять сразу пожалованных ему земельных угодий. У него и не могло быть такого количества крестьян. Свободно селились русские и украинские крестьяне на этих пустых землях.

В середине XVIII века Нарышкины предъявили на земли свои права. Они посылали поверенных

---

* Промысловых участков по добыче меду.

осматривать эти земли. Те находили тут давно поселившихся крестьян. Этим крестьян и закрепощали. Так было с селами Рудней, Еланью, Самойловкой и другими.

Крестьяне слободы Красный Яр поселились в этих местах уже много лет тому назад. В то время здесь были степь да лес. Пахали кто где сколько хотел. Но явился в середине XVIII века поверенный Нарышкиных и объявил им, что они сидят на чужой земле. Безвыходным оказалось положение крестьян. Поверенный предложил им, казалось, удобный и легкий выход из этого положения — оставаться на этих землях попрежнему, только платить владельцу земель, графу Нарышкину, по 3 копейки с „дыма“ (с каждого дома). Украинцы согласились платить небольшой оброк. С этих пор они и были закрепощены Нарышкиным и записаны в ревизские сказки*, как его крепостные. Потом помещик увеличил оброк с крестьян по своему произволу. Таким же образом была закрепощена графом Шереметевым слобода Баланда.

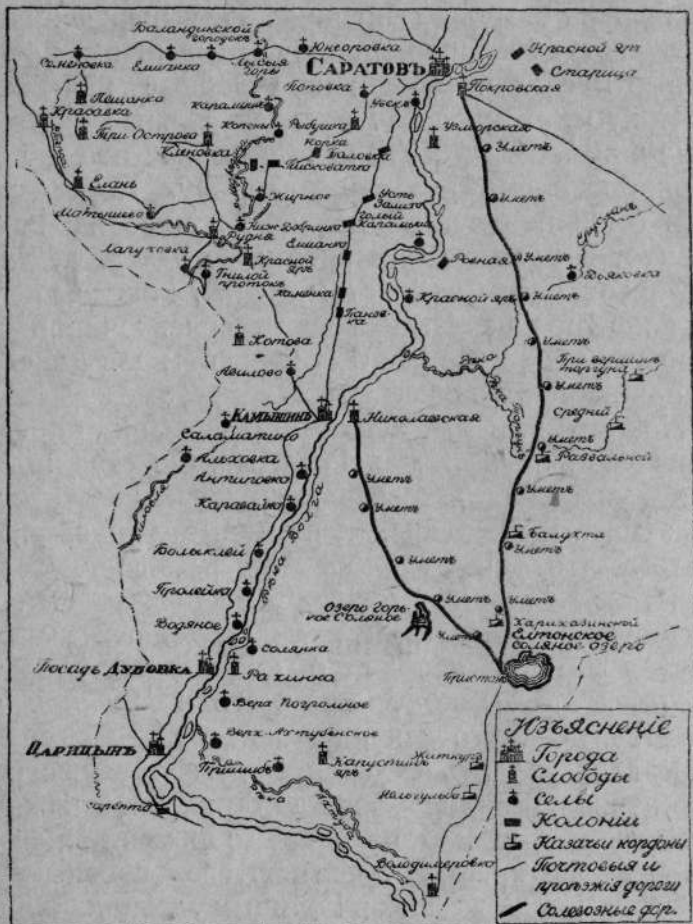
Пытались иные украинцы протестовать против насильного закрепощения. В Елани крестьянин Дубровский вместе с другими уговаривал поселившихся по Хопру и Медведице украинцев не подчиняться помещикам. В других селах крестьяне отказывались выйти на барщину, в третьих — отказывались платить оброк. Но власть в крепостническом государстве на стороне помещиков. Быстро в восставшие села была двинута уездными властями команда Хоперского полка. Главарей

---

* Перепись населения.

наказали кнутами и сослали в Сибирь. Непокорных сломили.

Другие, отстаивая свою свободу, затевали долгие судебные тяжбы с помещиками. Напрасно

Деталь карты Саратовской губернии, составленной в 30-х годах XIX века. Указанные на карте „слободы“ — поселения украинцев.

ссылались они на то, что были закрепощены помещиком неправильно, еще тогда, когда не было де и указа 1783 года, разрешившего закрепощать украинских крестьян. Ничто не помогало делу. И местный и верховный суды становились на сторону помещика. Не выиграв ничего в борьбе за личную свободу, затрачивали крепостные последние гроши на судебные издержки.

Сокурских крестьян низовая соляная контора еще в 50-х годах XVIII века выселила из слободы Покровской на нагорную сторону. Переселены они были на „пустопорожную землю на речке Сокур, в рассуждении лесных угодьев, делания воловьих фур и для паствы скота“. Низовая соляная контора переселила часть солевозчиков поближе к лесу, который был нужен им для поделки и починки повозок.

Но потом на эти земли по речке Сокур предъявил свои права князь Голицын. Он стал притеснять украинцев в пользовании лесными угодьями и землей. Крестьяне, напуганные угрозами, и потому что они „были без опыту знания законов“, как говорили они о себе в жалобе, согласились платить Голицыну положенный им оброк—с каждого двора по 50 копеек, да с рабочей скотины по 20 копеек, а всего по 90 копеек. Они считали, что для них „сие еще сходно“ и не стали заводить судебного дела. Но уже сын Голицына увеличил оброк до 6 рублей с каждой ревизской души. Оброк стал обременительным. Но все еще крестьяне считали его „сносным“ и молчали. Когда же князь Голицын увеличил оброк до 50 рублей с ревизской души, что было „уже несоразмерным“, как говорили сокурцы в своей жалобе, тогда они ищут защиты от помещика

сначала в уездном, потом в губернском суде и наконец в Сенате.

Украинцы жаловались еще и на то, что князь Голицын продал часть крестьян. Они протестовали против полного закрепощения их, до того свободных государственных крестьян, бывших казенных солевозчиков. Жаловались они на управляющего князя Голицына, который требовал с них уплаты оброка не только с наличных душ, но и с умерших после ревизий и отданных в солдаты; жаловались на то, что у тех, кто не мог выплатить оброка, управляющий отнимал скотину и доводил до крайней нищеты.

Сокурцы надеялись, что их, бывших государственных крестьян, казенных солевозчиков, которые в течение 40 лет занимались возкою соли и никогда не были „господскими“—защитит государство. 70 лет тянулся судебный процесс сокурцев! Крестьяне истратили много денег на посылку ходоков, на гербовую бумагу, на писарей и другие судебные издержки. Но дело все-таки было решено в пользу князя Голицына.

Целыми селами закрепощали украинских крестьян русские помещики, закрепощали их и поодиночке.

В 1783 г. в уездный суд была подана жалоба украинца Белянского. Еще „после Полтавской баталии“, — говорил Белянский, — попал он в плен, был взят капитаном Грачевым и привезен им в Поволжье в свою вотчину. Здесь Белянский женился, у него родились дети, а в 1743 году он получил от помещика Грачева свободу. Но случилась беда — вид* на свободное житель-

* Паспорт

ство у него сгорел в пожаре в с. Подьячевке. И поэтому его и закрепостил помещик Степанов, во время переписи записав в ревизские сказки его за собою. Белянский просил суд разобрать дело и освободить его и его семью от помещика Степанова, незаконно их закрепостившего. Суд разобрал дело и отказал Белянскому в свободе.

Когда умер старик Белянский, сын его снова начал хлопотать о том же. Много раз обращался он в суд. И только в 1823 году, через сорок лет после начала этого дела, суд постановил дать Белянским свободу. Из всей семьи их к этому времени осталась только внучка, одна она и смогла воспользоваться дорого доставшейся свободой.

Столь же возмутительна история закрепощения солевозчика села Самойловки—Дрябина. В 1793 году Дрябин получил от солевозного атамана разрешение отлучиться из слободы Самойловки на заработки. Он уехал на три месяца на Дон и жил там в станице Ореховой у графа Орлова-Денисова. Задержавшись на заработках, Дрябин просрочил свой паспорт. А в это время проходила пятая ревизия (перепись населения), и граф Орлов-Денисов попросту записал Дрябина в качестве своего крепостного.

Дрябин поехал в Самойловку, он просил суд оставить его в родном селе. Но суд отказал ему в просьбе на том основании, что при переписи населения в Самойловке в ревизских сказках было указано о том, что он отлучился из села. Дрябин подал тогда свою жалобу в Балашовский суд, он снова просил освободить его от незаконного закрепощения помещиком Орловым-Денисовым. Балашовский суд постановил-таки

освободить Дрябина от Орлова-Денисова. Однако, граф обжаловал тогда решение суда в сенат. И сенат постановил считать Дрябина крепостным Орлова-Денисова, а членов балашовского суда, вынесших неправильное решение, оштрафовать.

Пытались закрепощенные бежать от тяжелого гнета помещиков. Массовое бегство крестьян усилилось в XIX веке особенно в связи с тем, что помещики все больше и больше стали гонять крестьян на тяжелую барщину.

В своих жадных стремлениях увеличить доходы с имений помещики доводили барщину до 4-5 дней в неделю. Они устраивали и „сквозную барщину“, т. е. заставляли крестьян работать на помещичьих полях все 6 рабочих дней в неделю. Крепостные не имели уже времени работать в своем хозяйстве и впадали в отчаянную нищету.

От тяжелой барщины бежали и бедные крестьяне, бежали и более зажиточные. Несколько таких зажиточных украинских крестьян бежали в посад Дубовку. Там они приписались в купечество и занялись торговлей. Но в 1809 году Саратовский губернатор Панчулидзе, проезжая через посад Дубовку, проведаль об украинцах, которые „ищут приписаться в купеческое и в мещанское звание“. Панчулидзе распорядился отослать всех их к помещикам, на прежнее место жительства. Недопустимо производить приписку помещичьих крестьян в иное звание, — говорил губернатор, — и если сделать „поноровку“, то крестьяне побегут от помещиков целыми селениями. Министерство внутренних дел одобрило действия губернатора Панчулидзева.

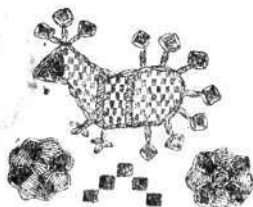
Дорогою ценой доставалась личная свобода тем немногим украинским крестьянам, которые

величайшими усилиями сумели освободиться от крепостной зависимости у помещика. Но пытаться добиться этого освобождения могли только богатые. Некоторые крестьяне села Красный Яр и Елани, принадлежавшие Нарышкиным, пытались выкупиться от помещика. Нарышкин назначил им выкупную плату в 400 рублей за каждую „увольнительную душу“. Выплату денег он назначил в 3 срока с условием, если деньги точно в срок внесены не будут, то крестьяне останутся за Нарышкиным даже без возврата прежде уплаченных ему сумм. Немногие даже из зажиточных крестьян смогли выкупиться на волю. А бедным нечего было и думать о свободе.

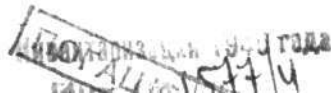
Да и не могло ее быть, свободы, крестьянам в крепостническом государстве. Не принесло желанной свободы украинцам и так называемое освобождение крестьян в 1861 году.

Только двести лет спустя, после того, как поселились украинцы на Волге, увидели они подлинную свободу, настоящую, солнечную, радостную, которую завоевали ценою крови лучших сынов своих народы России.

Только тогда Саратовское Поволжье стало для них родным, когда под руководством партии Ленина—Сталина, вместе с другими народами Великого Союза они получили возможность строить новое общество освобожденного человеческого труда.

Д178460

Редактор изд-ва *П. Жукова*
Технич. редактор *Н. Дахин*
Корректор *Р. Чепурина*
Обложка и рисунки
худож. *Б. А. Протоклитова*

Сдано в производ. 19/IX 1936 г.
Подписано к печати 7/X 36 г.
Тираж 5000. Формат бумаги
 $62 \times 94\frac{1}{20}$. Печат. лист. $2\frac{1}{4}$.
Бум. лист. $1\frac{1}{8}$. Знаков в печат-
ном листе 25200. У-а. л. 1,2.
Инд.Д-9. Изд. № 99. Заказ № 6231.
Уполномоченный
Крайлита № А/297.

Типография № 1 Саратовского
Крайместпрома.

